

Хранитель великих тайн

КРУПНЫЙ ПЛАН

Наш земляк Борис Сударушкин исторические детективы начал писать раньше своего знаменитого тезки Акунина. Факт требовал бы проверки, но не это важно. Еще в конце 80-х автор популярного журнала «Молодая гвардия» с ласковой русской фамилией Сударушкин до того удивил столичную критику повестью-расследованием «Уединенный памятник» об открытии и гибели списка «Слова о полку Игореве», что один из рецензентов не считал некорректным сравнить дебютанта молодежного журнала с Жюлем Верном.

Оба соединили под пером то, что прежде в искусстве словесности мыслилось порознь: великий француз – приключения и научную фантастику, никому не известный литератор с Верхней Волги – исторические загадки, расследование с участием криминалиста и литературоведческую полемику.

Кто бы мог подумать тогда, что Борис Сударушкин верным своему выбору останется и в новом столетии. Сегодня ему исполняется шестьдесят лет. Он автор читаемый. Все его книги, а их больше десятка, – о загадочных событиях, исчезнувших сокровищах, нераскрытых преступлениях былых времен, а датированное 2005 годом избранное «Тайны Золотого кольца» вышло под рубрикой «Исторический детектив».

Наш корреспондент съездил в Семибратово в гости к юбиляру – поговорить о загадках, старых, более поздних и совсем новых.

К ОТВЕТУ, ГРАФ!

По числу жгучих тайностей нет равных «Игровой песне», с нее и начали. Прямо к нам на кухню вызвали «на ковер» самого первооткрывателя «Слова» – сиятельного графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Договорились наш следственный эксперимент вести строго на языке логики и без излишних эмоций.

Для Сударушкина до сих пор загадка из загадок – гибель в московском пожаре 1812 года коллекции графа, где хранилось «Слово» – его единственный найденный в Ярославле древний список.

– Такую коллекцию – и не спасти, как же так, Алексей Иванович? – вопрос сняли мы с языка реального героя повести Сударушкина «Исчезнувшее свидетельство» археографа Калайдовича.

– Не имел возможности, ибо в Москве меня тогда не было, – ответил за графа Борис Михайлович.

Чем, кстати, он был занят? А ополчение собирал, что нетрудно установить по документальным источникам. Вот и первое для графа смягчающее обстоятельство. Как истинный и потому несколько самоуверенный патриот, Алексей Иванович до самого последнего момента не верил, что Наполеон войдет в Москву, а потому и не побеспокоился о коллекции заранее. Может, и спохватился, но было уже поздно.

О том, что бесценный манускрипт сгорел, известно откуда? Со слов самого Мусина-Пушкина. Кто-то видел, что список сгорел? Не нашлось такого человека, а значит, нет и доказательств, что погиб в огне. Пожар в Мос-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

кве бушевал не одну неделю, доблестные французские воины превратились в обыкновенных мародеров, Наполеон пытался против этого что-то предпринять – не добился ничего. Наверняка побывали незваные гости и в богатом доме графа на Разгуляе, где сейчас МИСИ на Спартаковской.

Почему просто-напросто не предположить, что собрание российских древностей заинтересовало какого-то образованного француза? Список в офицерском сундуке или солдатском ранце прибыл во Францию и до сих пор лежит на чердаке среди рухляди и старых

бумаг. Тому, что манускрипт не погиб в горящей Москве, есть и конкретные свидетельства. Писатель напоминает об известном высказывании внучки графа – Мещерской: список не мог сгореть, потому что в это время находился у Карамзина. Почему же рукопись в таком случае не объявилась позже? Борис Михайлович философствовать на эту тему не любит: да, может, просто затерялась и ждет своего следующего открывателя?

(Окончание на 3-й стр.)

Хранитель великих тайн

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

Не потеряны шансы найти еще более древний список «Слова» — так думает и Сударушкин. Где искать? В легендарной библиотеке Ивана Грозного, тоже бесследно исчезнувшей. Юбиляр дает такую информацию к размышлению. Когда Москву захватил хан Девлет-Гирей, царь вместе со своим двором некоторое время спасался в ярославском Спасском монастыре.

Была с ним и казна, куда вместе с деньгами, драгоценностями упаковали грамоты, иконы, книги. Что-то Грозный имел под рукой, что-то прятал в тайниках. Борис Михайлович слышал о каком-то подземном ходе, который будто бы ведет из монастыря к другому берегу Которосли.

— Слухи давние и упорные, — писатель ставит точку в нашем близорыске.

— Это не слухи, — настал черед и нам сказать свое слово в «следственном эксперименте». — Когда работал в музее-заповеднике, мы у прикрытого фанерой и досками лаза сено косили. Три ступеньки вниз, а дальше стоп — завалено. Хотите, как-нибудь покажу?

Глаза юбиляра заискрились мальчишеским азартом:

— Как не сходить, спасибо за предложение.

ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА ФАННИ

В том же духе, на коротке и без беллетристики, провели мы с Борисом Михайловичем кухонное дознание с участием персонажей русской истории, о каждом из которых можно сказать и сегодня: находятся в розыске.

«Жизнь показывает, что история не терпит вопросов, оставшихся без ответа», — так заканчивал Сударушкин свой давний очерк «Фанни Каплан: я стреляла в Ленина», выпущенный отдельной книгой полтора десятка лет назад. Одним из первых писателей из Семibrатова всерьез задался вопросом: кто же стоял за спиной террористки, ставшей в свой час жертвой террора? Официальная версия с расстрелом Фанни Каплан комендантом Московского Кремля Мальковым как нельзя лучше вписывалась в программу объявленного Яковом Свердловым «красного террора».

Все было бы гладко, если бы не народная молва о том, что Каплан расстреляна не была, а много позже умерла в неволе. О тюремной жизни террористки после расстрела довелось в юности слышать и Су-

дарушкину. Жил на квартире у пожилой женщины, много лет проработавшей надзирательницей в ярославских «Коровниках». С тех пор с особым вниманием относится к слухам о «чудесном исцелении» Фанни. Что за ними кроется? Нормальная потребность людей верить в добро? Или слухи распространялись специально, чтобы возвысить гуманность Ленина: она стреляла, а он-то простил?

Гораздо серьезнее кажется нашему собеседнику третья версия: нет дыма без огня. Фанни Каплан не расстреляли, поскольку убедились, что она — подставное лицо в большой политической игре и невиновна. Но репутация у нее уже была такая, что отпустить ее на свободу не рискнули — отправили туда, где раки зимуют, под чужой фамилией.

— В любом случае, — подводит наш полемист итог краткому экскурсу в кремлевские тайны, — мне кажется важнее найти ответ на вопрос не о том, кто в Ленина стрелял, а кто заказал убийство.

Сам он все больше склоняется к мысли, что без верного ленинского соратника Свердлова тут не обошлось.

С НАЗВАНЬЕМ КРАТКИМ «РУСЬ»

Отвечая на несерьезный вопрос о самой жгучей для него загадке начала нового тысячелетия, юбиляр попробовал отшутиться: она, дескать, в том, почему никого не волнует закрытие четыре года назад журнала с названием кратким «Русь», где «от и до» все десять лет Борис Михайлович пахал замом главного редактора.

Новинку напутствовал из Штатов Александр Солженицын: «Название журнала и место его издания ко многому обязывают». Предлагал: «А не включить ли в темы современные болезни и нужды? Это ведь тоже Русь». Учрежденный писателями четырех областей средней полосы России журнал выписывали библиотеки по всей стране, государственная Историческая, Эрмитажа, конгресса США. «Такому журналу надо помогать», — обнадежил, приехав в Ростов, патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

На третьем году наступившего тысячелетия областная администрация по неясным для Сударушкина причинам прекратила финансирование издания. Писатели-учредители сразу ретировались, новые арендаторы последнего помещения редакции безжалостно выбросили во двор и сожгли деловой архив. Чтобы расплатиться с долгами по зарплате, пришлось продать гараж и редакционное авто.

Полностью рассчитаться с государством не удалось по сей день. Экс-зам показал очередное требование налоговой службы — погасить долг в 117 тысяч целковых.

Журнал, оказывается, закрыт вовсе и не был, только «временно приостановлен до возобновления финансирования». В силе остается свидетельство о его регистрации (от 5 мая 2000 года); есть и печать, и даже готовый к работе в любое время коллектив ООО в составе трех человек — и. о. главного редактора Б. М. Сударушкина, корректора и бухгалтера. В кабинете хозяина семibrатовской квартиры видели мы две полки с папками неопубликованных рукописей.

— Чтобы возобновить журнал, — говорит юбиляр, — всего то и надо, что долги по налогам заплатить.

МИШИНА КОМНАТА

В год, когда вышел последний номер «Руси», по роковому стечению обстоятельств семью Сударушкиных захлестнуло горе. Сахарный диабет скосил единственного сына Бориса Михайловича и Натальи Евгеньевны. По оригинальной методике Михаил преподавал в школе родиноведение, выпустил несколько книг о полной тайн древнейшей истории Ростовской земли. Задумал школьный музей в Семibrатове, но открыть его не успел. Отец дал зарок — начатое сыном довести до конца. Нашел деньги, доделал экспозицию, принял отсутствующую в штатном расписании школы должность музейного гида.

Чем Сударушкин-старший душу спасает? На эту тему предпочел он никакие самодобдряющих речей не произносить. Просто открыл дверь комнате, которая так и остается «Мишиной». Там все на своих местах, как было у него. Компьютер, многотомный словарь Граната, музыкальный центр, штук двести кассет. Музыку Миша любил современную, но не импортную. Ему важно было не только слышать мелодию, но и понимать текст.

— Конечно, для меня сын больше здесь, чем там, — Борис Михайлович кивает куда-то за окно, в сторону берез, высебренных изморозью.

Показал сигнальный экземпляр новой книги. Вместе со спонсорами, отыскавшимися в Твери, спешили к дню рождения и вроде успевают. «Потаенное и сокровенное» — исторические детективы, материалы к размышлению. Последний раздел «Талантливый был парень» и весь сборник автор посвящает светлой памяти сына.

Юлиан НАДЕЖДИН.